

DOI 10.15826/qr.2019.2.397

УДК 94(470)"1847/1857"+821.161.2-1Шевченко+329.7

**СПАСЕНИЕ РЯДОВОГО ШЕВЧЕНКО:
ССЫЛЬНЫЙ ПОЭТ И ВОЕННЫЕ ГУБЕРНАТОРЫ
ОРЕНБУРЖЬЯ***

Владимир Шкерин

Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия

**SAVING PRIVATE SHEVCHENKO:
THE EXILED POET AND THE MILITARY GOVERNORS
OF ORENBURG REGION**

Vladimir Shkerin

Institute of History and Archaeology,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

The secret political organisation known as the Ukrainian Slavic Society of Sts Cyril and Methodius (the Brotherhood of Sts Cyril and Methodius) was suppressed in the spring of 1847. The Brotherhood proclaimed that its goal was to create Slavic democratic republics and unite them into an alliance with its centre in Kiev. The methods of achieving this goal remained unclear. The society itself, according to the investigation, consisted of only three people, including N. I. Kostomarov who later became a famous historian. Count A. F. Orlov, head of the Third Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery (the secret police of the Russian Empire) did not consider such a small organisation a serious threat. The count named the poet and artist T. G. Shevchenko and the prose writer and folklorist P. A. Kulish the most "important criminals" arrested in the case. At the same time, Orlov did not consider them members of the society but characterised them as "Ukrainophiles" (he might have been the first person to use this term). In their works, Shevchenko and Kulish glorified the Ukrainian past, the Hetmanate, and the freedom of the Cossacks (*volnitsa*), conveying the possibility and desirability of an independent Ukrainian state

* *Citation*: Shkerin, V. (2019). Saving Private Shevchenko: The Exiled Poet and the Military Governors of Orenburg Region. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 2. P. 615–629. DOI 10.15826/qr.2019.2.397.

Цитирование: Shkerin V. Saving Private Shevchenko: The Exiled Poet and the Military Governors of Orenburg Region // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 2. P. 615–629. DOI 10.15826/qr.2019.2.397 / Шкерин В. Спасение рядового Шевченко: ссыльный поэт и военные губернаторы Оренбуржья // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 2. С. 615–629. DOI 10.15826/qr.2019.2.397.

to the reader. Similar to the majority of defendants in this case, Kulish was deported to one of the Great Russian provinces. The punishment Shevchenko received was severer: he was sent to Orenburg as a private. Emperor Nicholas I also issued a special order forbidding the poet to write or draw. Shevchenko characterised his ten-year Orenburg exile (1847–1857) as the most painful period of his life. It is a commonly-held opinion that the exile received support from some officers who did not occupy significant posts (Lieutenant A. I. Butakov and Major I. A. Uskov). The paper shows that the patrons of Shevchenko were generals V. A. Obruchev and V. A. Perovsky, the military governors of Orenburg region and commanders of the corps. The poet himself spoke of them negatively.

Keywords: Taras Shevchenko; Nicholas I; Brotherhood of Sts Cyril and Methodius; Ukrainophiles; Third Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery; Orenburg Region; V. A. Obruchev; V. A. Perovsky.

Весной 1847 г. была разгромлена тайная политическая организация «Украино-славянское общество святых Кирилла и Мефодия» (Кирилло-Мефодиевское братство). Братство провозглашало своей целью создание славянских демократических республик и объединение их в союз с центром в Киеве. Пути и методы достижения обозначенной цели оставались неясными. Само общество, по мнению следствия, состояло всего из трех человек, включая известного в будущем историка Н. И. Костомарова. Глава Третьего отделения Собственной Е. И. В. канцелярии (высшей политической полиции Российской империи) граф А. Ф. Орлов не увидел серьезной угрозы в малочисленной организации. В числе же наиболее «важных преступников», арестованных по этому делу, граф назвал поэта и художника Т. Г. Шевченко, прозаика и фольклориста П. А. Кулиша. При этом Орлов не считал их членами общества, но характеризовал как «украинофилов» (возможно, впервые употребив этот термин). В своих произведениях Шевченко и Кулиш воспевали украинскую старину, времена гетманского правления и казацкой вольницы, подводя читателей к мысли о возможности и желательности существования независимого украинского государства. Кулиш, подобно большинству фигурантов этого дела, был выслан на жительство в одну из великороссийских губерний. Шевченко был наказан более строго – определен рядовым в Оренбургский отдельный корпус. Особым распоряжением императора Николая I поэту и художнику также было запрещено писать и рисовать. Десятилетнюю оренбургскую ссылку (1847–1857) Шевченко оценивал как наиболее горестный период своей жизни. Принято считать, что ссыльный пользовался поддержкой некоторых офицеров, не занимавших значительных постов (лейтенанта А. И. Бутакова, майора И. А. Ускова). В статье показано, что покровителями Шевченко выступали военные губернаторы Оренбургского края и командующие корпусом генералы В. А. Обручев и В. А. Перовский, о которых сам поэт отзывался весьма негативно.

Ключевые слова: Т. Г. Шевченко; Николай I; Кирилло-Мефодиевское братство; украинофилы; Третье отделение Собственной Е. И. В. канцелярии; Оренбургский край; В. А. Обручев; В. А. Перовский.

Весной 1847 г. по Российской империи разнеслась весть об обнаружении и разгроме Кирилло-Мефодиевского братства (Украино-славянского общества). В Петербурге, Киеве, Варшаве и Полтаве подверглись арестам десять человек подозреваемых. Следствие основывалось на версии осведомителя, студента Киевского университета А. М. Петрова о том, что «Украино-славянское общество... имело окончательное устройство тайного злоумышленного дела», участники которого «предполагали, хотя и мирными средствами, преимущественно распространением образования, соединить все славянские племена и устроить в них народное представительное правление», а некоторые даже намеревались «возбудить славянские племена к восстанию против верховных властей» [Кирило-Мефодіївське товариство, с. 63–64]. Расследование велось без большой секретности, и уже 2 мая профессор Петербургского университета А. В. Никитенко отмечал в дневнике:

На юге, в Киеве, открыто общество, имеющее целью конфедеративный союз всех славян в Европе на демократических началах, наподобие Северо-Американских Штатов. К этому обществу принадлежат профессора Киевского университета: Костомаров, Кулиш, Шевченко, Гулак и проч. [Никитенко, с. 500].

Доклад по этому делу главноначальствующий III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии граф А. Ф. Орлов подал на высочайшее имя 26 мая. Вопреки начальной версии, не склонный к раздуванию политических дел шеф жандармов доказывал, что «Украино-славянское общество св. Кирилла и Мефодия было не более как ученый бред трех молодых людей» – историков и публицистов Н. И. Костомарова, Н. И. Гулака и В. М. Белозерского, прочие же арестанты «сближались с ними и слышали об обществе... единственно или по знакомству, или по сходству ученых занятий, без всяких прямых отношений к обществу» [Кирило-Мефодіївське товариство, с. 65, 68]¹.

По мнению Орлова, три мечтателя были способны лишь «посеять в возрастающем поколении испорченность и приготовить будущие неурядиства». Гораздо сильнее его встревожили попутно угодившие в сети «украинофилы» – художник и поэт Т. Г. Шевченко и писатель П. А. Кулиш:

Двое – Шевченко и Кулиш – оказались также не принадлежащими к Украино-славянскому обществу, но они виновны по своим собственным отдельным действиям. Шевченко вместо того, чтоб вечно питать

Т. Г. Шевченко.
Автопортрет.
1848-1849.

T. G. Shevchenko.
Self-portrait.
1848-1849

¹ Нехотя приступал А. Ф. Орлов и к делу петрашевцев в 1849 г., но в тот раз уже был вынужден уступить натиску министра внутренних дел Л. А. Перовского [Шкерин].

благоговейные чувства к особам августейшей фамилии, удостоившим выкупить его из крепостного состояния, сочинял стихи на малороссийском языке самого возмутительного содержания. В них он то выражал плач о мнимом порабощении и бедствиях Украины, то возглашал о славе гетманского правления и прежней вольнице казачества, то с невероятною дерзостью изливал клеветы и желчь на особ императорского дома, забывая в них личных своих благодетелей. ...Шевченко приобрел между друзьями своими славу значительного малороссийского писателя, а потому стихи его вдвойне вредны и опасны. С любимыми стихами в Малороссии могли посеяться и впоследствии укорениться мысли о мнимом блаженстве времен гетманщины, о счастье возвратить эти времена и о возможности Украине существовать в виде отдельного государства. ...Шевченко начал писать свои возмутительные сочинения еще с 1837 г., когда славянские идеи не занимали киевских ученых; равно и все дело доказывает, что Шевченко не принадлежал к Украино-славянскому обществу и действовал отдельно, увлекаясь собственно испорченностью. Тем не менее, по возмутительному духу и дерзости, выходящей из всяких пределов, он должен быть признаваем одним из важных преступников [Кирило-Мефодіївське товариство, с. 67–68].

Шеф жандармов рекомендовал решить дело высочайшей волей – «подвергнуть их наказанию без суда». Так, Н. И. Гулака, которого сочли главой братства, предлагалось заточить в крепость на три года, Н. И. Костомарова – на год, П. А. Кулиша – на четыре месяца, А. А. Навроцкого выдержать шесть месяцев на гауптвахте. Перечисленных арестантов после заточения, а прочих сразу же должно было разослать по великороссийским губерниям без права увольнения «ни в Малороссию, ни за границу». Также граф Орлов предлагал:

Художника Шевченко за сочинение возмутительных и в высшей степени дерзких стихотворений как одаренного крепким телосложением определить рядовым в Оренбургский отдельный корпус с правом выслуги, поручив начальству иметь строжайшее наблюдение, дабы от него ни под каким видом не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений [Там же, с. 69].

Спустя два дня, 28 мая, Николай I скрепил доклад общей резолюцией «Исполнить» и дополнительно сделал пометы по поводу наказания каждого из арестантов. Шевченко и Кулиш не признали своей причастности к тайному братству [Сергієнко, с. 150–151]. Тем не менее, царь выделил «украинофилов» дополнительным запретом на творчество: Кулишу предписал «запретить писать и [отправить] на службу в Вологду», а Шевченко – отдать «под строжайший надзор и с запрещением писать и рисовать» [Кирило-Мефодіївське товариство, с. 476]. И если наказание Кулиша вскоре удалось смяг-

читать (вместо четырех месяцев тюрьмы – два месяца в арестантском отделении военного госпиталя, и вместо северной Вологды – ссылка в Тулу), то об облегчении участи Шевченко, казалось, нельзя было и мечтать.

Строгость внесудебного монаршего приговора объяснялась причинами не только (а, может, и не столько) политическими, сколько личными – в поэме «Сон» Шевченко зло посмеялся над худобой и болезненностью императрицы:

Цариця-небога,
Мов опеньок засушений,
Тонка, довгонога,
Та ще, на лихо, сердешнее
Хита головою.
Так оце-то та богиня!
Лишенько з тобою.
А я, дурний, не бачивши
Тебе, цяце, й разу,
Та й повірив тупорилим
Твоїм віршемазам
[Шевченко, т. 1, с. 272].

Николай I был оскорблен не только как государь и человек, способствовавший выкупу Шевченко из крепостной зависимости [Высочков, с. 573], но и как муж. Не было секретом, что высмеянный Шевченко нервный тик появился у Александры Федоровны вследствие потрясения, пережитого в трагический день 14 декабря 1825 г. Французский литератор маркиз А. де Кюстин, видевший императрицу в июле 1839 г. и отнюдь не расположенный к русской монархии, писал:

Нервные конвульсии, безобразившие черты ее лица, заставляли иногда даже трясти головой. Ее глубоко впавшие голубые и кроткие глаза выдавали сильные страдания, переносимые с ангельским спокойствием... Она никогда не могла оправиться от волнений, испытанных ею в день вступления на престол [Кюстин, с. 75–76].

При таких обстоятельствах ссылке было трудно рассчитывать и на поддержку общественного мнения. Даже В. Г. Белинский, много претерпевший от жандармского ведомства, принял сторону императора. В декабре 1847 г. он негодовал в частном послании П. В. Анненкову:

Вера делает чудеса – творит людей из ослов и дубин, стало быть, она может и из Шевченки сделать, пожалуй, мученика свободы. Но здравый смысл в Шевченке должен видеть осла, дурака и пошлеца, а сверх того горького пьяницу, любителя горелки по патриотизму хохлацкому.

Этот хохлацкий радикал написал два пасквиля – один на г[осударя] и[мператора], другой – на г[осударын]ю и[мператриц]у. Читая пасквиль на себя, г[осударь] хохотал, и, вероятно, дело тем и кончилось бы, и дурак не пострадал бы за то только, что он глуп. Но когда г[осударь] прочел пасквиль на и[мператри]цу, то пришел в великий гнев, и вот его собственные слова: «Положим, он имел причины быть мною недовольным и ненавидеть меня, но ее-то за что?» И это понятно, когда сообразите, в чем состоит славянское остроумие, когда оно устремляется на женщину. Я не читал этих пасквилей, и никто из моих знакомых их не читал... но уверен, что пасквиль на императрицу должен быть возмутительно гадок по причине, о которой я уже говорил. Шевченку послали на Кавказ солдатом. Мне не жаль его, будь я его судьей, я сделал бы не меньше [Белинский, с. 440].

Разумеется, содержание стихотворения «Сон» много богаче и сложнее «пасквилей» на царскую чету, а приведенный отзыв литературного критика не имеет отношения собственно к литературной критике. Однако Шевченко и сам был вынужден принять версию наказания за «пасквили». По свидетельству полковника (в пору знакомства с Шевченко – штабс-капитана) К. И. Герна, его оренбургский товарищ не любил вспоминать о «происшествии, погубившем его»: говорил, что, «подкутивши порядком в приятельской компании, написал пасквильные стихи, которые сознавал до того глупыми и мерзкими... что никак не хотел сообщить мне их» [Герн, с. 73].

В июне 1847 г. Тарас Григорьевич Шевченко был зачислен рядовым в 5-й линейный батальон, расквартированный в Орской крепости. Оренбургским военным губернатором и командиром Оренбургского отдельного корпуса в то время был генерал-лейтенант Владимир Афанасьевич Обручев. Ветеран войн с наполеоновской Францией и османской Турцией, Обручев, по позднему свидетельству хорошо осведомленного князя С. П. Трубецкого, состоял членом тайного общества декабристов, но избежал разоблачения [Трубецкой, с. 245]. Весной 1848 г. военный губернатор распорядился откомандировать Шевченко в Аральского экспедицию лейтенанта Алексея Ивановича Бутакова. Участник экспедиции штабс-капитан А. И. Макшеев вспоминал:

Бутаков, желая облегчить и, если удастся, улучшить участь Шевченко, просил генерала Обручева отпустить его с ним для снятия береговых видов неведомого доселе моря, и, хотя по высочайшему повелению Шевченко запрещено было брать в руки карандаш, Обручев согласился на эту просьбу [Лымарев, с. 103].

Экспедиция длилась полтора года. Оренбургский историк П. Н. Столпянский писал:

Тотчас после прибытия из экспедиции в Оренбург Бутаков представил главному начальнику края рисованный Шевченко альбом видов и при этом распространился в таких лестных выражениях о художественных талантах Шевченко и о пользе, которую он принес экспедиции, что Обручев обещал ходатайствовать о производстве Шевченко в унтер-офицеры. Этому обещанию можно было поверить, ибо чуть не половине Оренбурга было известно, что Шевченко пишет портрет жены начальника М. П. Обручевой, конечно, не без ведома губернатора [Губернаторы, с. 221]².

С ноября 1849 г. по апрель 1850 г. Шевченко жил в Оренбурге, занимаясь обработкой экспедиционных материалов. Уже в ноябре Обручев обратился к графу Орлову за разрешением «дозволить рядовому Шевченко заниматься рисованием под наблюдением ближайшего начальства» [Дорошенко, с. 29]³. В декабре шеф жандармов представил соответствующий доклад Николаю I, со своей стороны поддержав просьбу военного губернатора. «Высочайшего соизволения не последовало» [Анисов, Середа, с. 153, 154; Хинкулов, с. 219–220]. Царский отказ поначалу не вызвал заметных перемен в жизни Шевченко. Затем прапорщик Н. Г. Исаев, которого поэт уличил в домогательстве к замужней даме, подал на имя Обручева рапорт, доложив, что рядовой Шевченко проживает на частной квартире, носит партикулярное платье, пишет стихи и рисует (в том числе портрет самого Исаева). Обручев, виновный в двухлетнем игнорировании монаршей воли, не решился оставить донос без внимания. Шевченко арестовали. Вспоминая о месяцах, проведенных в каземате, он заметил с сарказмом, что был помещен туда «по распоряжению... довольно видного политика Обручева». В другой раз Шевченко писал:

Во сне видел Орскую крепость и корпусного ефрейтора Обручева. Я так испугался этого гнусного ефрейтора, что от страха проснулся и долго не мог прийти в себя от этого возмутительного сновидения [Шевченко, т. 5, с. 26, 91].

Между тем, неосмотрительное покровительство Шевченко, возможно, послужило одной из причин удаления Обручева из Оренбурга [Лымарев, с. 108].

² Литературовед Л. Н. Большаков, рассуждая, почему «солдафон Обручев» пошел на нарушение высочайшей воли, полагал, что инициатива заказать Шевченко портрет исходила от генеральши [Большаков, 1988, с. 119–120]. Едва ли это соображение принципиально: ответственность за принятое решение все равно лежала на военном губернаторе.

³ Литературовед и писатель Б. С. Лепкий ошибочно приписывал хлопоты 1849 г. об облегчении участи Шевченко генерал-адъютанту В. А. Перовскому, служившему в то время в Петербурге [Лепкий, с. 115].

В. А. Перовский.
Гравюра 1896 г. по
портрету художника
К. П. Брюллова (1837)

V. A. Perovsky.
Engraving (1896) based
on K. P. Bryullov's
portrait (1837)

С октября 1850 г. местом службы Шевченко стало Новопетровское укрепление на берегу Каспийского моря. В мае 1851 г. в Оренбург прибыл новый генерал-губернатор Василий Алексеевич Перовский (внук гетмана «всех Малых России, обеих сторон Днепра и войск запорожских» графа К. Г. Разумовского). С этим назначением Шевченко связывал большие надежды. Василий Перовский был дружен с его покровителями – поэтом В. А. Жуковским и художником К. П. Брюлловым⁴. Он же был близок к Николаю I и имел при дворе прозвище «тьень императора». Старший брат В. А. Перовского Лев был министром внутренних дел и находился «в сильной борьбе» с шефом жандармов Орловым [Мельников, с. 316]. Наконец, и Лев, и Василий прежде состояли в тайном обществе декабристов, по поводу чего давали письменные показания следственной комиссии [Восстание декабристов, с. 454, 455–457]. Шевченко еще в 1847 г. просил В. И. Даля, служившего чиновником особых поручений при Л. А. Перовском, исходатайствовать через своего начальника освобождение «хотя бы от казарм» [Большаков, 1997, с. 106]. В феврале 1850 г. В. А. Перовский по просьбе писателя и своего племянника графа А. К. Толстого спрашивал у управляющего III отделения Л. В. Дубельта: «можно ли что-либо... предпринять в облегчение участи Шевченко?» По результатам доклада Орлову Дубельт отвечал:

Его сиятельство... изволил отозваться, что при всем искреннем желании сделать в настоящем угодное вашему высокопревосходительству полагает рановременным входить со всеподданейшим докладом... [Анисов, Серета, с. 157, 158; Хинкулов, с. 220–221].

Отзвуки этой неудачи слышны в ряде свидетельств. Еще один племянник В. А. Перовского художник Л. М. Жемчужников писал:

Перовский знал о Шевченко от К. П. Брюллова, Вас. Андр. Жуковского и проч. <...> Но Перовский, хотя и был всеильным сатрапом, как выразился Шевченко, ничего не смог сделать для Шевченко: так был зол на поэта император Николай Павлович. Перовский говорил... что лучше теперь молчать, чтобы забыли о Шевченко, так как ходатайство за него может послужить во вред ему. <...> Перовский, суровый на вид, был добр, чрезвычайно благороден и рыцарски честен: он всег-

⁴ Деньги на выкуп Шевченко из крепостной зависимости были собраны в 1838 г. на лотерею в Аничковом дворце, выигрышем в которой служил специально написанный К. Брюлловым портрет В. Жуковского [Яцюк].

да облегчал судьбы сосланных, о чем не раз заявляли эти сосланные, поляки и русские, но в пользу Шевченко он сделать что-либо был бес-силен. Император Николай считал Шевченко неблагодарным и был обижен и озлоблен за представление его жены в карикатурном виде в стихотворении «Сон» [Оренбургский губернатор, с. 308].

О том же вспоминал Герн:

...граф Василий Алексеевич Перовский, на которого мы так много надеялись за Тараса, при назначении его к нам генерал-губернатором решительно отказался от всякого к нему участия. Между тем, граф был человек истинно великодушный и с ангельски добрым сердцем. Когда я ему показал подаренный мне Тарасом рисунок «Буран», то он мне... сказал: «Мне Чернышёв [художник]⁵ еще в Петербурге говорил о Шевченке, и я готов был сделать для него все, что можно – попросил для этого у Дубельта подлинное о нем дело, прочел его сам от доски до доски и убедился только в том, что мне за него вступить и просить об нем государя нельзя! И вас прошу вперед меня никогда ни о чем, до него касающемся, не просить» [Герн, с. 73].

Однако Василий Перовский не забыл о ссыльном Шевченко. Об этом, в частности, свидетельствовала А. Е. Ускова, супруга генерал-губернаторского адъютанта майора И. А. Ускова, назначенного в 1853 г. комендантом Новопетровского укрепления:

...когда Ираклий Александрович, уезжая из Оренбурга в форт, пришел прощаться к Перовскому, тот первый заговорил о Шевченко и просил моего мужа как-нибудь облегчить его положение, иначе Ираклий Александрович не мог бы так решительно действовать, не имея поддержки свыше [Ускова, с. 237].

Благодаря опеке майора (затем подполковника) Ускова и этой «поддержке свыше» Шевченко вплоть до конца ссылки был избавлен от муштры и имел возможность писать и рисовать. Характерный анекдот на эту тему сообщал И. С. Тургенев:

Какой-то чересчур исполнительный генерал, узнав, что Шевченко, не смотря на... запрещение, написал два-три эскиза, почел за долг донести об этом Перовскому в один из его приемных дней; но тот, грозно взглянув на усердного доносителя, значительным тоном промолвил: «Генерал, я на это ухо глух; потрудитесь повторить мне с другой стороны то, что вы

⁵ Происходивший из кантонистов Оренбургского корпуса Алексей Филиппович Чернышёв был освобожден от воинской службы, получил возможность перебраться в столицу и учиться живописи в Академии художеств благодаря покровительству В. А. Перовского. Знакомство Чернышёва с Шевченко состоялось в 1847 г. в Оренбургском крае.

сказали!» Генерал понял, в чем дело, и, перейдя к другому уху Перовского, сказал ему нечто, вовсе не касавшееся Шевченко [Т. Г. Шевченко, с. 293]⁶.

Ходили, впрочем, и другие анекдоты. Так, героиня рассказа Н. С. Лескова «Зимний день» рассуждала:

А Шевченко со всеми якшался, и бог его знает, если даже и правда, что Перовский сам велел наказать его по-военному, то ведь тогда было такое время: он был солдат – его и высекли, и это так следовало.

На это возражала Ускова:

Заявлению Лескова, будто бы Перовский велел наказать Шевченко телесными ударами, решительно нельзя верить [Ускова, с. 237].

Подобные слухи опровергал и Жемчужников:

Касательно рассказа о рисунке Шевченко, брошенном на пол В. А. Перовским, и ударе его по лицу я совершенно не верю, так как такой поступок противоречит натуре В. А. Перовского. <...> Сомневаюсь, видел ли он когда-либо Шевченко. Я хорошо знал Круневича [доктора], Б. Залеского, Желиговского (Сову), и от них, кроме хорошего, о В. Перовском ничего не слышал; а эти люди неподкупные и, не стесняясь, высказали бы всю правду; они не могли не знать о таком чудовищном случае с Шевченко [Оренбургский губернатор, с. 308–309].

Возможность отставки для Шевченко открывалась с присвоением унтер-офицерского звания. В 1854 г. Новопетровск посетил начальник артиллерии гарнизонов Оренбургского корпуса генерал-майор Г. А. Фрейман. Узнав, что генерал равнодушен к живописи, Шевченко подарил ему акварель «Ночь». В феврале 1855 г. он писал ссыльному поляку Б. Ф. Залескому:

Уведоми меня, принял ли В. А. (Перовский. – В. Ш.) представление Фреймана обо мне... [Большаков, 1997, с. 347; Хинкулов, с. 289].

Между тем умер Николай I, и на престол взошел его сын Александр II. У ссыльных появилась новая надежда на освобождение. В июне 1856 г. прапорщики Бронислав Залеский и Сигизмунд Сераковский, получив долгожданные отставки, отправились из Оренбуржья в Петербург. В июле Залеский писал Шевченко, что находившегося в столице В. А. Перовского просила за него графиня

⁶ Биограф Шевченко М. К. Чалый отрицал саму возможность такого доноса, ссылаясь при этом на мнение одного из оренбургских чиновников: «“Подробности”, сообщенные Тургеневым, ни на чем не основаны. Ф. М. Лазаревский, близко знавший отношения гр. Перовского к окружавшим его лицам, не допускает, чтобы кто-нибудь из них осмелился наущничать этому гордому и недоступному вельможе» [Зарянка, с. 301].

ня А. И. Толстая (жена художника Ф. П. Толстого), и Перовский обещал помочь [Анисов, Середа, с. 192]. В начале марта 1857 г. Залеский сообщил Шевченко, что Сераковский видел представление Перовского о нем⁷.

Однако назначение все не приходило. Посетовав в дневниковой записи от 19 июня 1857 г. на то, что его «в продолжение десяти лет не возвели даже в чин унтер-офицера» (и одновременно похвастав, что «даже и поверхностно не изучил ни одного ружейного приема»), Шевченко обрушился с критикой на Перовского:

Бездушному сатрапу и наперснику царя пригрезилось, что я освобожден от крепостного состояния, и воспитан на счет царя, и в знак благодарности нарисовал карикатуру своего благодетеля. Так пускай, дескать, казнится неблагодарный. Откуда эта нелепая басня – не знаю. Знаю только, что она мне недешево обошлась. Надо думать, что басня эта сплелась на конфирмации, где сказано «строжайше запрещено писать и рисовать». Писать запрещено за возмутительные стихи на малороссийском языке. А рисовать – и сам верховный судья не знает, за что запрещено. А просвещенный блюститель царских повелений непоясненное в приговоре сам пояснил, да и прихлопнул меня своим бездушным всемогуществом. Холодное развращенное сердце. И этот гнилой старый развратник пользуется здесь славою щедрого и великодушного благодетеля края. Как близоруки или, лучше сказать, подлы эти гнусные славильщики. Сатрап грабит вверенный ему край и дарит своим распутным прелестницам десятитысячные фермуары, а они прославляют его щедрость и благодеяния. Мерзавцы! [Шевченко, т. 5, с. 20–21].

В апреле 1857 г. генерал от кавалерии граф В. А. Перовский, будучи тяжело больным, вышел в отставку и уже 8 декабря скончался. Между этими двумя событиями, в августе, получил долгожданную отставку и Шевченко. Жемчужников вспоминал:

Я никогда не говорил с Шевченко о Перовском, не только потому, что он мой дядя, но главным образом потому, что разговор с Шевченко о времени его страданий вызывал в нем перемену в лице от страдания и злобы. Он сдерживал себя и стискивал зубы... [Оренбургский губернатор, с. 308].

7 января 1858 г., покинув Оренбуржье и находясь в Нижнем Новгороде, Шевченко записал в дневник после встречи с «соизгнанником» по Орской крепости поляком Станиславом Круликевичем:

⁷ А. Ф. Смирнов датирует это письмо Залеского к Шевченко 2 марта 1857 г., а саму фразу передает так: «Сигизмунд писал, что видел в Петербурге представление Перовского о тебе» [Смирнов, с. 26]. В. А. Дьяков датирует письмо 3 марта и несколько иначе передает фразу: «Сигизмунд писал, что видел представление о тебе В. А-ча» [Дьяков, с. 79].

Между многими неинтересными степными новостями он сообщил отвратительно интересную новость. Побочный сын гнилого сатрапа Перовского собственноручно зарезал своего денщика, за что был только разжалован в солдаты; но мелкая душонка [не вынесла] и этого все милостивейшего наказания, он вскоре умер или отравил себя. Туда и дорога. Выходит, яблоко недалеко от яблони упало. Мать этого малодушного тигренка, жена какого-то паршивого барона Зальц и купленная б... растленного сатрапа Перовского, однажды, собираясь к обедне, рассердилась за что-то на горничную, да ихватила ее утюгом в голову. Горничную похоронили, и тем дело покончил всемогущий сатрап. О, Николай, Николай! Какие у тебя лихие сподручники были. По Сеньке шапка [Шевченко, т. 5, с. 184–185].

Основываясь на совпадении некоторых биографических данных, литературовед Л. Н. Большаков утверждал, что побочным сыном Перовского был прапорщик Александр Васильевич Перекрестов (в прошлом – штабс-капитан Кавказского корпуса, разжалованный в рядовые «за разные злоупотребления и жестокое обращение с подчиненными» и вновь злоупивший офицерский чин в Оренбуржье) [Большаков, 1997, с. 264–265; Шевченко, т. 5, с. 379]. Генерал Оренбургского казачьего войска И. В. Чернов (на которого отчасти ссылался исследователь) лично знал сына своего начальника и именовал его Алексеем Перовским. По словам Чернова, Алексей за какую-то дерзость был разжалован из воспитанников артиллерийского училища в рядовые и отправлен на Кавказ. Отец такое наказание одобрил. «Впоследствии молодой Перовский дослужился до офицера, но был разжалован в солдаты за то, что в пылу раздражения убил своего слугу» [Чернов, с. 105]. Официальные документы и изыскания генеалогов свидетельствуют, что «усыновленный воспитанник» Алексей Перовский (именно так – не Александр Перекрестов) не умер в молодом возрасте, а женился на Надежде Ростопчиной и «беспотомно» скончался только в 1871 г. [Лобанов-Ростовский, с. 85; ГАРФ. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 465. Л. 6, 8].

Нижегородский эпизод показывает, сколь охотно Тарас Шевченко верил слухам, порочившим имя Василия Перовского. Неблагодарность беспокойного художника и поэта после Николая I довелось познать и истинным его доброжелателям. Так, в 1850 г. Шевченко писал из Оренбурга Жуковскому, выдвигая обвинения против Брюллова:

При всей своей великости самой малости не хочет сделать; говорю не хочет, потому что он может; позволяю себе думать, и первое добро (написание вашего портрета) было сделано случайно. <...> Печально, что с великим гением не соединена великая разумная добродетель.

И тут же, сообщая, что в экспедиции на Арале «видел много оригинального, еще нигде не виданного», но «ничего не мог нарисовать, потому что... рисовать запрещено», взывал:

Исходатайствуйте (вы многое можете!) позволение мне только рисовать – больше ничего и надеяться не могу и не прошу больше ничего [Герн, с. 71].

Будучи поэтом, Шевченко едва ли случайно повторил рефреном постулат о больших возможностях своих покровителей: «он может» – «вы многое можете». В первом из них он уже разочаровался, второму тем самым предлагал избежать подобной участи.

Очевидно, по той же схеме (надежды – просьбы – обиды – разочарования) развивалось и отношение Шевченко к военному губернатору Обручеву и генерал-губернатору Перовскому. Крепостному крестьянину в прошлом и бесправному солдату в настоящем было сложно поверить в ограниченность власти сановников надо всем, что происходило во вверенном их управлению Оренбуржье. Между тем в лице обоих начальников края Шевченко имел как минимум осторожных, а, лучше сказать, опытных и осведомленных покровителей, при этом В. Перовский пытался облегчить судьбу опального поэта буквально до последних месяцев собственной жизни.

Список литературы

Анісов В., Серета С. Літопис життя і творчості Т. Г. Шевченка. 2-е вид. Київ : Дніпро, 1976. 392 с.

Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. Т. 12. Письма. 1841–1848. 596 с.

Большаков Л. Н. «Все он изведал...» : Тарас Шевченко: поиски и находки. Київ : Дніпро, 1988. 543 с.

Большаков Л. Н. Оренбургская шевченковская энциклопедия : 1847–1858. Оренбург : Димур, 1997. 516 с.

Восстание декабристов : Документы / под ред. А. Н. Сахарова. М. : РОССПЭН, 2001. Т. 20. 592 с.

Высочков Л. В. Император Николай I: человек и государь. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2001. 644 с.

ГАРФ. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 465.

Герн К. И. Письма К. И. Герна к М. М. Лазаревскому о Шевченко и Шевченко к поэту Жуковскому и к неизвестному // Киевская старина. 1899. Т. 64. № 2. Отд. 2. С. 67–73.

Губернаторы Оренбургского края / авт.-сост. В. Г. Семенов, В. П. Семенова. Оренбург : Оренбург. кн. изд-во, 1999. 400 с.

Дорошенко В. Горе і радість у Шевченковому житті : Біографічний нарис. Філадельфія : Америка, 1962. 47 с.

Дьяков В. А. Материалы к биографии Сигизмунда Сераковского // Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. С. 63–124.

Заряно Н. Воспоминания Н. И. Усковой о Т. Г. Шевченко : С примечаниями М. К. Чалого // Киевская старина. 1889. Т. 24. № 2. С. 297–313.

Кирило-Мефодіївське товариство : у 3 т. / под ред. П. С. Сохана. Київ : Наукова думка, 1990. Т. 1. 544 с.

Кюстин А. Россия в 1839 году. М. : Захаров, 2006. 352 с.

Лепкий Б. Про життя і творчість Тараса Шевченка. Аделаїда : Книга, 1989. 166 с.

- Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга : в 2 т. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1895. Т. 2. 488 с.
- Льмарев В. И.* Алексей Иванович Бутаков, 1816–1869. М. : Наука, 2006. 182 с.
- Мельников П. И.* Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале // Рус. вестн. 1873. Кн. 3. С. 275–340.
- Никитенко А. В.* Записки и дневник : в 3 т. М. : Захаров, 2005. Т. 1. 640 с.
- Оренбургский губернатор Василий Алексеевич Перовский : Документы. Письма. Воспоминания / сост. Е. Г. Вертоусова, Г. П. Матвиевская, А. Г. Прокофьева. Оренбург : Оренбург. кн. изд-во, 1999. 336 с.
- Сергієнко Г. Я.* Т. Г. Шевченко і Кирило-Мефодіївське товариство. Київ : Наукова думка, 1983. 206 с.
- Смирнов А. Ф.* Сигизмунд Сераковский. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 136 с.
- Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников / вступ. ст. Л. Хинкулова и Н. Бельчикова. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1962. 512 с.
- Трубецкой С. П.* Материалы о жизни и революционной деятельности : в 2 т. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. Т. 1. 416 с.
- Ускова А. О.* Т. Г. Шевченко в Новопетровському укріпленні // Спогади про Тараса Шевченка. Київ : Дніпро, 1982. С. 236–240.
- Хинкулов Л. Ф.* Тарас Шевченко : Биография. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1960. 544 с.
- Чернов И. В.* Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова // Тр. Оренбург. учен. архив. комиссии. Вып. 18. Оренбург : Паровая типолит. Тов-ва печного дела «Каримов, Хусайнов и К^о», 1907. 224 с.
- Шевченко Т.* Зібрання творів: у 6 т. Київ: Наукова думка, 2003. Т. 1. Поезія 1837–1847. 784 с. Т. 5. Щоденник : Автобіографія. Статті. Археологічні нотатки. «Букварь южнорусский». Записи народной творчости. 496 с.
- Шкерин В. А.* «Жертва вечерняя»: кто и зачем сфабриковал дело петрашевцев? // Россия и мир: панорама исторического развития : сб. науч. ст., посв. 70-летию ист. ф-та Урал. гос. ун-та им. А. М. Горького. Екатеринбург : Волот, 2008. С. 309–316.
- Яцюк В.* Из хроники большого выкупа // В семье вольной, новой : Шевченковский сборник. М. : Сов. писатель, 1984. Вып. 5. С. 196–202.

References

- Anisov, V., Sereda, C. (1976). *Litopis zhittya i tvorchosti T. G. Shevchenka* [A Chronicle of the Life and Work of Taras Shevchenko]. 2nd Ed. Kiiv, Dnipro. 392 p.
- Belinsky, V. G. (1956). *Polnoe sobranie sochinenii v 13 t.* [Complete Works. 13 Vols.]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 12. Pis'ma. 1841–1848. 596 p.
- Bol'shakov, L. N. (1988). "Vse on izvedal...". *Taras Shevchenko: poiski i nakhodki* ["He Experienced Everything...". Taras Shevchenko: Searches and Finds]. Kiiv, Dnipro. 543 p.
- Bol'shakov, L. N. (1997). *Orenburgskaya Shevchenkovskaya entsiklopediya: 1847–1858*. [Orenburg Shevchenko Encyclopedia. 1847–1858]. Orenburg, Dimur. 516 p.
- Chernov, I. V. (1907). Zapiski general-maiora Ivana Vasil'evicha Chernova [Notes of Major General Ivan Chernov]. In *Trudy Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii*. Iss. 18. Orenburg, Parovaya tipolitografiya "Tovarishchestva pechatnogo dela Karimov, Khusainov i Co. 224 p.
- Doroshenko, V. (1962). *Gore i radist' u Shevchenkovomu zhitti. Biografichnii naris* [Sorrow and Joy in Shevchenko's Life. Biographical Essay]. Filadel'fia, Amerika. 47 p.
- D'yakov, V. A. (1960). Materialy k biografii Sigizmunda Serakovskogo [Materials for the Biography of Sigismund Sierakowski]. In *Vosstanie 1863 g. i rusko-pol'skie revolyutsionnye svyazi 60-kh godov*. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 63–124.
- GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock 1068. List 1. Dos. 465.
- Gern, K. I. (1899). Pis'ma K. I. Gerna k M. M. Lazarevskomu o Shevchenko i Shevchenko k poetu Zhukovskomu i k neizvestnomu [Letters of K. I. Gern to M. M. Lazarevsky about Shevchenko and Shevchenko to Poet Zhukovsky and to an Unknown Person]. In *Kievskaya starina*. Vol. 64. No. 2. Section 2, pp. 67–73.

- Khinkulov, L. F. (1960). *Taras Shevchenko* [Taras Shevchenko]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. 544 p.
- Khinkulov, L., Bel'chikov, N. (Eds.). (1962). *T. G. Shevchenko v vospominaniyakh sovremennikov* [T. G. Shevchenko in the Recollections of Contemporaries]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. 512 p.
- Kyustin, A. (2006). *Rossiya v 1839 godu* [Russia in 1839]. Moscow, Zakharov. 352 p.
- Lepkii, B. (1989). *Pro zhitya i tvorchist' Tarasa Shevchenka* [About the Life and Work of Taras Shevchenko]. Adelaïda, Kniga. 166 p.
- Lobanov-Rostovskii, A. B. (1895). *Russkaya rodoslovnaya kniga v 2 t.* [Russian Genealogy Book. 2 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya A. S. Suvorina. Vol. 2. 488 p.
- Lymarev, V. I. (2006). *Aleksei Ivanovich Butakov, 1816–1869* [Aleksii Ivanovich Butakov, 1816–1869]. Moscow, Nauka. 182 p.
- Mel'nikov, P. I. (1873). Vospominaniya o Vladimire Ivanoviche Dale [Reminiscences about Vladimir Ivanovich Dal]. In *Russkii vestnik*. Book 3, pp. 275–340
- Nikitenko, A. V. (2005). *Zapiski i dnevnik v 3 t.* [Notes and Diary. 3 Vols.]. Moscow, Zakharov. Vol. 1. 640 p.
- Sakharov, A. N. (Ed.). (2001). *Vosstanie dekabristov. Dokumenty* [The Decembrist Revolt. Documents]. Moscow, ROSSPEN. Vol. 20. 592 p.
- Semenov, V. G., Semenova, V. P. (Eds.). (1999). *Gubernatory Orenburgskogo kraia* [Governors of Orenburg Region]. Orenburg, Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo. 400 p.
- Sergienko, G. Ya. (1983). *T. G. Shevchenko i Kirilo-Mefodiïvs'ke tovaristvo* [T. G. Shevchenko and the Brotherhood of Saints Cyril and Methodius]. Kiïv, Naukova dumka. 206 p.
- Shevchenko, T. (2003). Zibrannya tvoriv u 6 t. [Collected Works. 6 Vols.]. Kiïv, Naukova dumka. Vol. 1. Poeziya 1837–1847. 784 p. Vol. 5. Shchodennik: Avtobiografiya. Stati. Arkheologichni notatki. "Bukvar' yuzhnorusskii". Zapisi narodnoi tvorchosti. 496 p.
- Shkerin, V. A. (2008). "Zhertva vechernyaya": kto i zachem sfabrikoval delo petrashevtsëv? ["The Evening Sacrifice": Who Fabricated the Petrashevsky Case and Why?]. In *Rossiya i mir: panorama istoricheskogo razvitiya. Sbornik nauchnykh statei, posvyashchennyy 70-letiyu istoricheskogo fakul'teta Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. M. Gor'kogo*. Yekaterinburg, Volot, pp. 309–316.
- Smirnov, A. F. (1959). *Sigismund Serakovskii* [Sigismund Sierakowski]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 136 p.
- Sokhan', P. S. (Ed.). (1990). *Kirilo-Mefodiïvs'ke tovaristvo u 3 t.* [Brotherhood of Saints Cyril and Methodius. 3 Vols.]. Kiïv, Naukova dumka. Vol. 1. 544 p.
- Trubetskoi, S. P. (1983). *Materialy o zhizni i revolyutsionnoi deyatel'nosti v 2 t.* [Materials about Life and Revolutionary Activities. 2 Vols.]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. Vol. 1. 416 p.
- Uskova, A. O. (1982). T. G. Shevchenko v Novopetrovs'komu ukriplenni [Shevchenko in Novopetrovsk Fort]. In *Spogadi pro Tarasa Shevchenka*. Kiïv, Dnipro, pp. 236–240.
- Vertousova, E. G., Matvievskaya, G. P., Prokof'eva, A. G. (Eds.). (1999). *Orenburgskii gubernator Vasiliï Alekseevich Perovskii. Dokumenty. Pis'ma. Vospominaniya* [Orenburg Governor Vasily Alekseevich Perovsky. Documents. Letters. Memoirs]. Orenburg, Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo. 336 p.
- Vyskochkov, L. V. (2001). *Imperator Nikolai I: chelovek i gosudar'* [Emperor Nicholas I: The Man and the Sovereign]. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 644 p.
- Yatsyuk, V. (1984). Iz khroniki bol'shogo vykupa [From the Chronicle of the Great Redemption]. In *V sem'e vol'noi, novoi: Shevchenkovskii sbornik*. Moscow, Sovetskii pisatel'. Iss. 5, pp. 196–202.
- Zaryanko, N. (1889). Vospominaniya N. I. Uskovoï o T. G. Shevchenko. S primechaniyami M. K. Chalogo [N. I. Uskova's Recollections about Taras Shevchenko. With the Notes of M. K. Chaly]. In *Kievskaya starina*. Vol. 24. No. 2, pp. 297–313.